

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-67-71

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

КУХТЯЕВА Е.А.,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕРМЕСОВ Г.А.,

преподаватель кафедры уголовного права и процесса
СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНГЕРЕЕВА С.А.,

магистрант 2 года обучения СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается проблема разграничения убеждения и принуждения как методов уголовно-процессуальной деятельности. Анализируются существующие в доктрине критерии (характер воздействия, наличие санкции, отношение к свободе выбора), выявляются их достоинства и ограничения. Обосновывается вывод о том, что убеждение и принуждение образуют не дискретную пару, а континуум, в котором переходные формы занимают значительное место. Предлагается авторский подход к разграничению, основанный на отношении к свободе выбора и субъективном восприятии воздействия. Формулируются практические рекомендации для правоприменителя.

Ключевые слова: убеждение, принуждение, уголовно-процессуальная деятельность, критерии разграничения, свобода выбора, психологическое давление, допустимость доказательств.

KUKHTYAEVA E.A.,

Art. Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of
the SCI VGUI

GERMESOV G.A.,

Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of
the SCI VGUI

ARSLANGEREEVA S.A.,

master's student of 2 years of study at SKI VGUYU

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN PERSUASION AND COERCION IN CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article discusses the problem of distinguishing between persuasion and coercion as methods of criminal procedure. The criteria existing in the doctrine are analyzed (the nature of the impact, the presence of sanctions, the attitude to freedom of choice), their advantages and limitations are revealed. The conclusion is justified that persuasion and coercion do not form a discrete pair, but a continuum in which transitional forms occupy a significant place. An author's approach to delineation based on attitudes to freedom of choice and subjective perception of impact is proposed. Practical recommendations are formulated for the law enforcement officer.

Key words: persuasion, coercion, criminal procedural activity, demarcation criteria, freedom of choice, psychological pressure, admissibility of evidence.

Эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от правильного выбора методов воздействия на участников процесса. Убеждение и принуждение традиционно рассматриваются как парные категории, однако вопрос об их разграничении до сих пор остаётся дискуссионным. В доктрине не выработано единого критерия, позволяющего чётко отделить допустимое убеждение от недопустимого принуждения (или наоборот). Это порождает трудности в правоприменительной практике, особенно при оценке допустимости доказательств, полученных в результате допросов, очных ставок и иных следственных действий.

Актуальность проблемы обусловлена и статистическими данными: ежегодно суды признают недопустимыми доказательства, полученные с нарушением требований ч. 4 ст. 164 УПК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2025 г. по мотивам оказания незаконного воздействия на допрашиваемых были исключены доказательства по каждому седьмому уголовному делу, рассмотренному в особом порядке. Это свидетельствует о необходимости выработки чётких критериев, позволяющих правоприменителю разграничивать допустимое тактическое воздействие и недопустимое принуждение.

Проблема разграничения убеждения и принуждения имеет глубокие корни в отечественной доктрине. В советский период фундаментальные основы её разработки были заложены в трудах З.Ф. Ковриги, которая в монографии «Уголовно-процессуальное принуждение» (1975) сформулировала обширный перечень признаков процессуального принуждения, сохраняющий актуальность и сегодня [6]. Исследовательница, в частности, указывала, что меры процессуального принуждения применяются только в сфере уголовного судопроизводства, носят характер личного, имущественного и организационного ограничения прав, сопровождаются внешним моральным, психическим и физическим воздействием и точно регламентированы законом.

Существенный вклад в разработку проблемы внесли И.Л. Петрухин, рассмотревший соотношение свободы личности и уголовно-процессуального принуждения [7], Ф.М. Кудин, проанализировавший принуждение как системное явление [8], М.С. Строгович, заложивший основы понимания убеждения как метода уголовно-процессуальной деятельности [9], и П.С. Элькинд, исследовавшая цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве [10].

В постсоветский период проблематика получила развитие в работах А.В. Гриненко, который отметил, что выводы З.Ф. Ковриги во многом обусловили тенденции развития отечественно-

го уголовно-процессуального законодательства [11], а также в исследованиях Б.Б. Булатова [12], И.С. Пильщикова [13] и других авторов, рассматривающих меры уголовно-процессуального принуждения в системе государственного принуждения. Отдельного внимания заслуживает работа Ю.Г. Журавлева, посвящённые допустимости тактических приёмов при расследовании преступлений [14].

Проведенным анализом выделим следующие критерии разграничения убеждения и принуждения. Первый критерий — характер воздействия. Убеждение воздействует на сознание, принуждение — на волю. Убеждение апеллирует к разуму, принуждение — к страху или силе. Однако, как справедливо отмечается в диссертационном исследовании, это разграничение не является абсолютным: предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний одновременно воздействует и на сознание (разъяснение последствий), и на волю (ограничение выбора). Воздействие идет по двум каналам, и грань становится зыбкой.

В доктрине существует позиция, согласно которой принуждение и убеждение схожи тем, что оба воздействуют на волю субъекта, но различаются по характеру этого воздействия: убеждение изменяет исходную волю, сохраняя возможность выбора, тогда как принуждение снимает волю, формируя «новую» волю [8]. Психологические исследования подтверждают, что волевой акт при убеждении сохраняет автономию личности, тогда как при принуждении происходит подмена волевого решения внешним воздействием.

Второй критерий — наличие санкции. Если несоблюдение требования влечёт неблагоприятные правовые последствия (штраф, привод, задержание), то это принуждение. Если не влечёт — убеждение. Однако разъяснение обязанности дать правдивые показания само по себе санкции не влечёт, но в сочетании с предупреждением об ответственности оно приобретает принудительный оттенок. Одно и то же действие может быть и убеждением, и принуждением в зависимости от контекста [6].

Проблема усугубляется тем, что ни уголовный закон, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат толкования понятия «иные незаконные действия», упомянутого в ч. 4 ст. 164 УПК РФ. Как отмечают в науке, это создаёт правовую неопределённость и затрудняет отграничение правомерного предупреждения от неправомерной угрозы [14]. Статья 302 УК РФ устанавливает ответственность за принуждение к даче показаний, однако её применение на практике носит единичный характер, что свидетельствует о сложности доказывания факта незаконного воздействия [4].

Третий критерий — отношение к свободе выбора. Убеждение оставляет человеку свободу выбора: он может согласиться или отказаться. Принуждение ограничивает эту свободу, лишая возможности выбрать иной вариант поведения. Этот критерий представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет учитывать не только внешние, но и внутренние (субъективные) аспекты воздействия.

В доктрине подчёркивается, что при убеждении исходная воля лица изменяется и всегда остаётся возможность выбора поведения; при принуждении воля субъекта снимается, формируется «новая» воля. Именно поэтому критерий свободы выбора позволяет отграничить убеждение от принуждения даже в тех случаях, когда внешние признаки воздействия совпадают. Анализ показывает, что убеждение и принуждение не являются взаимоисключающими категориями. В реальной процессуальной деятельности они переплетаются, образуя непрерывную шкалу (континуум). На одном полюсе — чистое убеждение (например, разъяснение прав без угрозы санкций), на другом — чистое принуждение (применение физической силы при задержании). Между ними — множество переходных форм.

Континуальный подход находит подтверждение в зарубежной доктрине. В исследовании К. Миллс убеждение, манипуляция и принуждение рассматриваются как точки на единой шкале влияния, где принуждение находится на одном полюсе, убеждение — на другом, а манипуляция занимает промежуточное положение. Аналогичные идеи развиваются в работах, посвящённых восприятию принуждения при допросах: эмпирические данные свидетельствуют о том, что даже здоровые взрослые могут воспринимать допрос как принудительный после менее чем 30 минут нахождения в комнате для допросов.

Представляется, что критерием разграничения должно служить отношение к свободе выбора с учётом субъективного восприятия воздействия. Если лицо сохраняет реальную возможность выбрать иной вариант поведения (отказаться от дачи показаний, не подписывать протокол, заявить ходатайство) и осознаёт эту возможность, то воздействие является убеждением. Если свобода выбора ограничена, а лицо воспринимает воздействие как принудительное (независимо от того, применялась ли физическая сила), то речь идёт о принуждении. При этом важно учитывать, что любое принуждение должно содержать элементы убеждения (разъяснение оснований применения, прав и обязанностей, последствий). В противном случае оно превращается в произвол.

Проблема разграничения допустимого убеждения и недопустимого психологического давления. Особую сложность представляет от-

граничение допустимого тактического воздействия от недопустимого психологического давления. Закон запрещает домогательство, угрозы, иные незаконные меры воздействия (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Однако грань между «убеждением» и «давлением» подвижна [14].

Представляется, что критерием допустимости является сохранение у допрашиваемого возможности самостоятельно принимать решение и отсутствие манипуляций, направленных на подавление воли. Если следователь предъявляет доказательства, указывает на противоречия, разъясняет последствия — это убеждение. Если он угрожает, шантажирует, использует слабости, играет на страхах — это психологическое насилие, влекущее признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Существенную помощь в разграничении допустимого воздействия и недопустимого давления оказывает практика Европейского суда по правам человека, выработавшего критерии оценки обращения с лицами в контексте ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. К таким критериям относятся: интенсивность воздействия, его продолжительность, физические и психические последствия, пол и возраст потерпевшего, состояние здоровья [4]. В постановлениях ЕСПЧ по делам «Ирландия против Соединённого Королевства» (1978) [15], «Сельмуни против Франции» (1999) [16], «Гефген против Германии» (2010) [17] сформулированы подходы, согласно которым психологическое давление может быть признано бесчеловечным обращением даже при отсутствии физического насилия.

В российской судебной практике также формируются подходы к оценке психологического давления. Так, Верховный Суд РФ в ряде решений указывал, что само по себе предъявление доказательств и указание на противоречия не является незаконным воздействием, однако создание условий, при которых лицо лишается возможности свободно выбрать линию поведения, влечёт недопустимость полученных доказательств [4].

Процессуальные гарантии разграничения убеждения и принуждения. Законность и обоснованность применения мер принуждения обеспечиваются системой процессуальных гарантий прав личности. К числу таких гарантий относятся:

Право на защитника (ст. 49–53 УПК РФ). Участие защитника при производстве следственных действий создаёт дополнительную гарантию от незаконного воздействия, поскольку защитник вправе фиксировать нарушения и заявлять ходатайства.

Право на отказ от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ). Лицо не обязано свидетельствовать против себя и своих близких родственников, что исключает возможность принуждения

к самоизобличению.

Видеофиксация следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Обязательная или факультативная видеозапись позволяет впоследствии оценить поведение участников и наличие признаков давления.

Судебный контроль (ст. 125 УПК РФ). Возможность обжалования в суд решений и действий следователя, нарушающих права участников процесса.

Прокурорский надзор (ст. 37 УПК РФ). Надзор за законностью предварительного расследования.

Институт допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ). Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми и не могут быть использованы для обоснования обвинения.

Судебно-психологическая экспертиза. Позволяет установить наличие у лица признаков психологического воздействия, оценить его индивидуально-психологические особенности, способность самостоятельно принимать решения.

Критерии оценки субъективного восприятия в правоприменительной практике. Субъективное восприятие воздействия как принудительного может быть объективировано через следующие механизмы:

Анализ видеозаписи следственного действия - оценка поведения допрашиваемого, его реакции на вопросы следователя, наличие признаков заученности показаний, соответствие вербальных и невербальных сигналов.

Судебно-психологическая экспертиза - установление индивидуально-психологических особенностей лица, его способности к самостоятельному волеизъявлению, наличия признаков психологического воздействия.

Показания участников процесса - защитника, понятых, специалиста, присутствовавших при производстве следственного действия.

Анализ процессуальных документов - проверка соблюдения порядка разъяснения прав, фиксации ходатайств и заявлений.

Практические критерии, которыми следует руководствоваться при оценке наличия психологического давления:

наличие/отсутствие признаков заученности показаний (использование формулировок, нехарактерных для допрашиваемого, шаблонность, излишняя детализация);

соответствие показаний видеозаписи (расхождение между вербальным содержанием и невербальными проявлениями);

наличие признаков психологического давления (ускоренный темп допроса, прерывание, повышение голоса, угрозы, шантаж);

соблюдение права на отказ от дачи пока-

заний, права на защитника, права на заявление ходатайств.

Подводя итоги, мы приходим к следующему:

Убеждение и принуждение не являются дискретными, взаимоисключающими категориями. Они образуют континуум, в котором значительное место занимают переходные формы.

Наиболее адекватным критерием разграничения является отношение к свободе выбора с учётом субъективного восприятия воздействия. Убеждение сохраняет реальную возможность выбора, принуждение — ограничивает её.

Любое принуждение должно сопровождаться элементами убеждения (разъяснением оснований, прав, последствий). В противном случае оно утрачивает правовой характер.

Для отграничения допустимого убеждения от недопустимого психологического давления необходимо установить, сохранялась ли у лица возможность самостоятельно принимать решение и отсутствовали ли манипуляции, направленные на подавление воли.

Процессуальными гарантиями разграничения убеждения и принуждения выступают право на защитника, право на отказ от дачи показаний, видеофиксация следственных действий, судебный контроль, прокурорский надзор, институт допустимости доказательств и судебно-психологическая экспертиза.

Субъективное восприятие воздействия может быть объективировано через анализ видеозаписи, судебно-психологическую экспертизу, показания участников процесса и анализ процессуальных документов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[6] Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное

принуждение. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. — 175 с.

[7] Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. — М.: Наука, 1985. — 239 с.

[8] Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. — 135 с.

[9] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М.: Наука, 1968. — 470 с.

[10] Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 143 с.

[11] Гриненко А. В. О соотношении понятий «Убеждение», «Принуждение» и «Ответственность» в уголовном судопроизводстве: размышления о книге Зои Филипповны Ковриги «Уголовно-процессуальное принуждение» (Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. - 175 с.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-ubezhdenie-prinuzhdenie-i-otvetstvennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-razmyshleniya-o-knige-zoi-filippovny-1> (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

[13] Пильщиков И.С. Меры уголовно-процессуального принуждения в системе государственного принуждения // Право и управление № 4 2026. С. 371–375.

[14] Журавлев, Ю. Г. Критерии допустимости тактических приемов в следственной тактике / Ю. Г. Журавлев // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2008. – № 9. – С. 272-284. – EDN LDGQYT.

[15] Постановление ЕСПЧ по делу «Ирландия против Соединённого Королевства» (1978).

[16] Постановление ЕСПЧ по делу «Сельмуни против Франции» (1999).р.

[17] Постановление ЕСПЧ по делу «Гефген против Германии» (2010).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. 2020.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) // SZ RF. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] The Criminal Code of the Russian

Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 26.07.2026) // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.11.2016 No. 55 "On the court sentence" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 1.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2017 No. 51 "On the practice of applying legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general procedure)" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 3.

[6] Kovriga Z.F. Criminal Procedural Coercion. - Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 1975. - 175 s.

[7] Petrukhin I.L. Individual freedom and criminal procedural coercion. - M.: Nauka, 1985. - 239 p.

[8] Kudin FM Coercion in criminal proceedings. - Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University, 1985. - 135 s.

[9] Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. VOL. 1. - M.: Nauka, 1968. - 470 s.

[10] Elkind P.S. Goals and means of their achievement in Soviet criminal procedure law. - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1976. - 143 s.

[11] Grinenko A. On the correlation of the concepts of "Conviction," "Coercion" and "Responsibility" in criminal proceedings: reflections on the book of Zoe Filippovna Kovriga "Criminal Procedure" (Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1975. - 175 p.) // Judicial power and criminal process. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-ubezhdenie-prinuzhdenie-i-otvetstvennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-razmyshleniya-o-knige-zoi-filippovny-1> (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 s.

[13] Pilshchikov I.S. Measures of criminal procedure coercion in the system of state coercion // Law and Administration No. 4 2026. P. 371-375.

[14] Zhuravlev, Yu. G. Criteria for the admissibility of tactical techniques in investigative tactics / Yu. G. Zhuravlev // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. – 2008. – № 9. – S. 272-284. – EDN LDGQYT.

[15] Judgment of the ECHR in Ireland v. United Kingdom (1978).

[16] Judgment of the ECHR in "Selmini v. France" (1999).

[17] ECHR ruling in "Gefgen v. Germany" (2010).